

2.1.3. Имеющиеся данные не всегда позволяют отделить позиционные (фонетически обусловленные) варианты фонем от свободных или идиолектных вариантов (см. о последних 2.1.1.). Отмечается фрикативизация велярного *k* в конечнослоговой позиции, употребление увелярного звонкого смычного [g] как аллофона /h/ в положении после *ɲ*, фрикативизация интервокальных смычных. «Нейтральный» гласный *e* имеет тенденцию приобретать *e*- или *o*-образную фонетическую окраску под воздействием гласного первого слога, ср. [igejele] 'веревку' — [jōlo] 'голову' (в обоих случаях /-le/).

2.1.4. Типы структуры слогов: CV, V, CVC, VC. Слог не может оканчиваться звонким согласным, в начале слога невозможен *ɲ*. Сочетания согласных обычно бывают разделены слоговой границей, на сочетаемость в группах -CV- и -VC- внутри слова ограничений немного (например, увелярные согласные обычно соседствуют с гласными непереднего ряда, см. 2.1.2.). Сочетания гласных в Ю.я. не характерны; показательно использование на морфемных швах разделительных согласных, ср. тундр. *medī-* 'взять' — *me-medīm* 'взял', но *ū-* 'ходить' — *me-r-ūj* 'ходил'; колым. *ejre-* 'ходить' — *ejrēj* 'начал ходить', но *pōñi-* 'положить' — *pōñi-l-ēm* 'начал класть'.

Фонетическая долгота гласного зависит от слоговой структуры. В односложном слове, а также в слоге, предшествующем слогу с *e*, гласные получают аллофоническую долготу, а гласные среднего подъема могут дифтонгизироваться. Долгие согласные отсутствуют.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В начале и конце слова и корневой морфемы невозможны сочетания согласных. Встречаемость звонких согласных ограничена преимущественно инлаутной позицией (их историческим источником во многих случаях являются сочетания сонантов с глухими согласными, ср. *adō* 'сын' при более ранней форме *aniō); в заимствованных словах они представлены и в анлауте (*buotke* 'бочка'). Кроме того, в начале фонетического слова невозможны *ɲ*, *r*, *w*. Границы слога и морфемы могут не совпадать (ср. морфемное членение *leg-u-l* 'еда' при слогоделении *le-gul*).

2.2.2. Фонологическая структура основ и словоформ, относящихся к разным частям речи, в принципе однотипна. В экспрессивной лексике могут использоваться некоторые специфические сегментные элементы (гортанный смычный ? в междометиях *ta?* 'возьми, на!', *ta?* 'ну!'). Суффиксальные морфемы, в отличие от корневых, имеют, как правило, длину не более чем в один слог и могут начинаться сочетанием согласных. Все известные немногочисленные префиксы односложны.

2.2.3. Среди широко распространенных в Ю.я. явлений морфонологической альтернации можно отметить следующие.

1) Чередование звонкого согласного (в положении перед гласным) с гоморгантным носовым согласным (в положении перед согласным): *kudul* (из *kuntul) 'грязь' — *kuntəm* (< *kuntəm) 'загрязнил'. Того же происхождения два варианта суффикса генитива: *-d* (+V) и *-n* (+C).

2) Наличие у ряда суффиксальных морфем двух альтернантов, из которых один (обычно более короткий) сочетается с основами на гласный *e*, а другой (обычно более длинный) — с другими вокалическими и со всеми консонантными основами: *at'e* 'олень' — *at'etke* (аугм.), но *mure* 'обувь' — *muretege* (аугм.), *amun* 'кость' — *amutege* (аугм.).

3) Утрата конечного согласного (первоначально, возможно, суффиксального) именными основами на *-l*, реже на *-r*, *-n*, *-ɲ*, *-t* при присоединении определенных аффиксов: 'чкура', *qan/qad* (генитив).

4) Озвончение шумного согласного в позиции после сонанта (сам сонант может в таких случаях иногда утрачиваться), особенно характерное для тундренного диалекта: тундр. *ködeŋ* 'человек' — *tuŋ göde* 'этот человек' — *luguje* (< *lugujen) *göde* 'старый человек'. Того же происхождения чередование *š/r* (тундр. *š/r*): тундр. *sawaŋ* 'шкура' — *sukunrawa* 'туча' (в сочетании с *sukun* 'нечто, природа').

5) Нарашение к консонантной основе перед суффиксом, начинающимся с согласного, соединительного (интерфиксального) гласного *-i-* (после палатальных согласных) или *-u-* (после других согласных): *pel-u-m* 'догнал'.

6) Ряд более специфических и не всегда понятных в историко-фонетическом плане альтернатив. Так, при порождении некоторых словоизменительных форм глагола действуют правила *nj > d'*, *lj > d'*, *jj > t'*, ср. окончания 1-го лица ед. числа аориста в интранзитивном спряжении: *-je* (после основ на гласный), *-d'e* (после *n-* и *l-*основ), *-t'e* (после *j-*основ).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Ю.я. — язык агглютинативного строя, случай синкретизма морфем и лексически детерминированного распределения разных по происхождению морфем с идентичным грамматическим значением чрезвычайно редки. Широко распространены, однако, фюзия на морфемных стыках и фонетически (или историко-фонетически) детерминированное распределение алломорфов (см. 2.2.3.). В морфологии преобладает синтетизм, хотя встречаются и аналитические конструкции — например, формы интенционалиса (*kudededin l'em* 'он готов убить'), образованные сочетанием датива-латива имени действия с глаголом бытия, который приобретает при этом грамматические свойства смыслового глагола (в приведенном примере — переходность).

2.3.1. По своим словоизменительным свойствам в Ю.я. противопоставляются прежде всего существительные и глаголы. Прилагательные как грамматический разряд отсутствуют, но класс непереходных глаголов включает в себя качественные основы, передающие значения прилагательных, например *-t'omō* — 'быть большим'. Их использование в атрибутивной и предикативной функциях подчинено тем же закономерностям, что и для процессуальных (собственно глагольных) непереходных глаголов, ср. (здесь и ниже в переводах подчеркнуты логически акцентированные слова):

	Процессуальный непереходный глагол	Качественный непереходный глагол
Финитные формы	<i>šorome ere-t</i> 'человек <u>спустился</u> (по реке)'	<i>šorome omo-t</i> 'человек <u>хороший</u> '
Имена действия	<i>šoromelek ere-l</i> 'человек спустился' <i>ere-l šorome monni</i> 'спутившийся человек <u>сказал</u> '	<i>šoromelek omo-l</i> 'человек <u>хороший</u> ' <i>omo-l šorome monni</i> 'хороший человек <u>сказал</u> '
Причастия	<i>ere-t'e šoromek l'el</i> ' <u>спутившийся</u> человек <u>был</u> '	<i>omo-t'e šoromek l'el</i> ' <u>хороший</u> человек <u>был</u> '

О разряде числительных можно говорить лишь применительно к атрибутивным формам, снабженным окончанием генитива (*irki-n šoromek l'el* 'один человек был'). В остальных синтаксических функциях используются производные от этих форм количественные непереходные глаголы (*šorome irkē-j* 'человек один', *šoromek irkē-l* 'человек один', *irkē-l jalod ānuŋam* 'одного оставляют').

Разряды местоимений: личные (см. 2.4.0.), указательные (см. 2.3.6.), вопросительные (*kin, qadi* 'кто'; *leme, numun* 'что', *qodimē* — 'какой [вопросительный глагол]'; *qabun* 'сколько'; *qamlō-* 'сколько [вопросительный глагол]'; *qon* 'где'; *qaŋide* 'куда'; *qanin* 'когда'; *qc dit* 'почему'); отрицательные (*niłgi* 'никто'; *neleme* 'ничто'; *neqaŋide* 'нику-

да'); неопределенные (*kinere* 'кто-то'; *lemenere* 'что-то'; *šar* 'что-либо') и др. По парадигматике эти местоимения сходны с теми частями речи, с которыми они соотносятся.

Выделение остальных частей речи опирается на их семантические и, в несколько меньшей мере, синтаксические свойства.

2.3.2. В Ю.я. отсутствует категория рода. Особую группу существительных составляют имена собственные, которые не имеют форм генитива и рематива (в соответствующих функциях используется номинатив), а в аккумулятиве употребляются только в референтной форме.

2.3.3. Категория числа имеет два категориальных значения и присуща существительным (ед. ч. Ø, мн. ч. — *-pul*, *-pe*, *-p*), глаголам (число субъекта) и местоимениям. Отмечается неразграниченность мн. числа посессора и мн. числа предмета обладания в посессивных формах, ср. *et ē-pe-gi* 'его отцы', 'их отец', 'их отцы'. Значение множественности у имени может выражаться и формой ед. числа при наличии количественного определения (*ataqud almek l'el* 'два шамана [ед. ч.] были') или показателя 3-го лица мн. числа у предиката (*mitkele kudedī šarḡitem* 'нас войны [ед. ч.] нагонят').

2.3.4. Субъект действия выражается следующими падежами (падежные суффиксы см. 2.4.0.):

номинативом — при отсутствии на нем логического ударения, т. е. в интранзитивных (Итр) и транзитивных (Тр) ремо-предикатных (РП) конструкциях (примеры 1, 3, 4, 5, 6) и ремо-объектных (РО) конструкциях (7, 8), а также в подчиненной части полпредикативных конструкций (11);

ремативом — при логической ударности, т. е. в ремо-субъектных (РС) конструкциях (2, 9, 10).

Объект действия выражается:

аккумулятивом — при логической безударности, т. е. в РП и РС конструкциях с субъектом 3-го лица (4, 5, 10, 14);

номинативом — в тех же конструкциях с субъектом 1-го или 2-го лица (3, 9); личные местоимения в этом случае ставятся в нереперентной форме аккумулятива (6 — ср. 5);

ремативом — при логической ударности, т. е. в РО конструкциях (7, 8);

аблативом, что наиболее характерно для партитивного объекта при глаголе в императиве (12).

Имена собственные и существительные в посессивных формах рематива не имеют, и соответствующие функции выполняются у них номинативом (13, 14 — ср. 2, 10).

Рематив является также падежом именного сказуемого при субъекте 3-го лица (15); именное сказуемое при субъекте 1-го или 2-го лица оформляется не ремативом, а номинативом в сочетании со вспомогательным глаголом *pol-* 'быть (чем-либо)' (16).

Примеры:

- (1) *met modoje* 'я сизу'
- (2) *metek modol* 'я сизу'
- (3) *met šorome kudede* 'я человека убил'
- (4) *mēmēt'en šoromele kudedem* 'медведь человека убил'
- (5) *mēmēt'en tetkele kudedem* 'медведь тебя убил'
- (6) *met tetul kudede* 'я тебя убил'
- (7) *met šoromelek kudedeme* 'я человека убил'
- (8) *mēmēt'en šoromelek kudedemle* 'медведь человека убил'
- (9) *metek šorome kudedel* 'я человека убил'
- (10) *mēmēt'elek šoromele kudedel* 'медведь человека убил'

- 11) *jodođ ubę l'ęgeņe, kunel'ōl kudedeļe keluninuj* 'белка если-есть, [он] десяток убив-ии приходит'
 12) *kejl'ōd'ę šalget aŋ'ik* 'сухого дерева ищи'
 13) *Debegej modol* 'Дебегей сидит'
 14) *könmeği šoromeļe kudedel'* 'его-друг человека убил'
 15) *Debegej otot'ę šoromek* 'Дебегей хороший человек'
 16) *met šorome ģōd'ę* 'я человек'

Значения косвенных дополнений и локативные значения выражаются падежными суффиксами и послелогоми. Имеются особые падежные формы для выражения орудийности (инструменталис), результата (транслатив), совместности (комитатив), предназначённости (дестинатив), адресата действия (датив-латив). Последний падеж наряду с лативом, аблативом и пролативом входит также в четверку местных падежей. Некоторые формы (например, со значениями направленности на *-lanide* и уподобления на *tite*) стоят на грани между падежами и послеложными конструкциями — вопрос о границах падежной парадигмы в Ю.я., как и во многих других атлантикских языках, опускает различные решения.

Посессивность в Ю.я. выражается с помощью:

генитива (используется также для оформления препозитивных определений всех тьюв): *šoromeđ* *ō* 'сын² человека¹', *nañmen t'ohoje* 'нож² из тальника¹', у имен собственных и существительных с определением генитив заменяется номинативом: *Debegej* *ō* 'сын² Дебегей¹', *met kōnme* *ō* 'сын³ моего¹ друга²'; кроме того, возможно отсутствие показателя генитива *-n*, обусловленное морфонологически: тундр. *lukun burube* ~ *luku urube* 'поверхность² земли¹';

посессивных суффиксов для 3-го лица посессора: *nime-gi* 'его-дом', *nime-de-ge* 'в-го-доме'; употребление этих суффиксов при наличии генитивного определения факультативно; принадлежность посессору 1-го и 2-го лица выражается соответствующими личными местоимениями (*met nime* 'мой дом'), а также их самостоятельными (непритяжательными) притяжательными формами (*tiŋ nime meļ'e* 'этот дом мой'); самостоятельные притяжательные формы имеются и у некоторых других местоимений (*tudel'e*, *tinl'e* 'чей');

отыменных непереходных глаголов со значением обладания предметом: *met mure-ņe-je* 'я имею обувь', от *mure* 'обувь';

конструкций с глаголом *l'ę-* 'быть', в которых посессор выражен формой локатива: *irkel'ęge tabaq l'ej* 'у одного табак есть';

конструкций с глаголом *l'i-* 'иметь': *omni t'ule niġō l'igam* 'люди мяса много имели'.

2.3.5. З а л о г о в ы е значения передаются формами глагольного словообразования — пассивно-результативными (*uġō-* 'быть сделанным' от *uġ-* 'сделать', *qodō-* 'лечь и лежать' от *qodo-* 'лежать'; примеры на результативное значение немногочисленны), каузативными (*āš-* 'заставить сделать' от *ā-* 'сделать'), рефлексивными (*met-kudede-* 'убить себя' от *kudede-* 'убить'), коннективными (*jōņe-* 'вместе смотреть' от *jō-* 'смотреть').

Словообразовательными формами выражаются и способы действия, в частности, инхоативный (*pandā-* 'начать варить' от *pandę-* 'варить'), аттенуативный (*pandęt'i-* 'немного варить'), однократный (*pandęj-* 'варить один раз'), многократный (*pandānu-* 'много варить, варить много раз'), узуальный (*pandānun-* 'постоянно варить, заниматься варкой'); переходные глаголы могут интранзитивизироваться) и некоторые другие. Возможно сочетание нескольких показателей способа действия в одной словоформе (*leg-ē-nun-* 'постоянно начинать есть' от *leg-* 'есть', *leg-ē-* 'начать есть').

Категория наклонения. В Ю.я различаются индикатив, латентив (инференциал, наклонение неочевидного действия), интеррогатив (наклонение, в котором может ставиться глагол в вопросительных предложениях), оптатив, конъюнктив, интенционалис (наклонение готовности к действию), императив, прохибитив. Косвенные наклонения образуются с помощью особых суффиксальных показателей (латентив, оптатив, прохибитив), префиксов (конъюнктив), использования специфических личных окончаний (интеррогатив, императив с прохибитивом), аналитически (интенционалис, см. 2.3.0.). Возможно, существуют и другие наклонения (имеются, в частности, формы с суффиксами *-mībī-/bībī-* и *-moḷī*, выражающие модальные значения долженствования, предположения, намерения, вероятности предстоящего события); в имеющихся описаниях отграничение наклонений от некоторых других категорий суффиксального формообразования глаголов в Ю.я. не основывается на формальных критериях и носит в известной мере условный характер.

Категории переходности и типа спряжения. В Ю.я. различаются четыре типа спряжения глаголов: Итр, Тр, РС и РО (см. 2.3.4.). Каждый из типов характеризуется специфическим набором личных окончаний (см. 2.4.0.).

Выбор одного из типов спряжения определяется переходностью глагола и тем, какой из членов предложения является его ремой, несет на себе логическое ударение. Эту зависимость отражает следующая схема (о специальных случаях замены субъектно-объектных падежей см. 2.3.4.):

Рема предложения	Переходность	Тип спряжения	Форма субъекта	Форма объекта	Примеры в 2.3.4.
Предикат, косвенное дополнение, обстоятельство	Неперех. Перех.	Итр Тр	Номинатив Номинатив	— Аккузатив	(1) (4, 5, 6)
Субъект (или член именной группы субъекта)	Неперех. Перех.	РС РС	Рематив Рематив	— Аккузатив	(2) (10)
Объект (или член именной группы объекта)	Перех.	РО	Номинатив	Рематив	(7, 8)

В косвенных наклонениях, кроме латентива, формы РС и РО спряжений неупотребительны или даже вообще невозможны. В императиве отсутствует, кроме того, формальное различие между Итр и Тр спряжениями.

Переходные глаголы с отрицанием и объектом в форме нереферентного рематива спрягаются, вопреки общему правилу, не по РО, а по Итр типу: *met at'elek el' kudedeje* 'я не убил оленья', ср. *met at'elek kudedeme* 'я убил оленья' (отрицания нет) и *met otot'ed at'ek kudedeme* 'я убил хорошего оленья' (объект имеет референтную форму).

Переходные глаголы отличаются от непереходных также по своим формообразовательным потенциям (например, каузатив образуется только от переходных глаголов).

Следует отметить, что РС и РО спряжения обладают наборами окончаний, которые отчасти дефектны (так, в РС типе совпадают пять форм для 1-го — 3-го лица ед. числа и 1-го — 2-го лица мн. числа, в РО типе — окончания 1-го — 2-го лица ед. числа) и которые сходны с окончаниями нефинитных форм глагола (имени действия — для РС типа, пассивного причастия — для РО типа). Это дает основания предполагать, что историческим источником РС и РО конструкций явились конструкции, в которых роль грамматического предиката выполнял не глагол, а смысловый субъект или смысловый объект соответственно (напомним, что рематив является падежом именного сказуемого), тогда как нефинитная форма глагола, будучи смысловым предикатом, выступала в грамматической роли субъекта и/или объекта.

2.3.6. Категория **лиц** а находит формальное выражение во всех четырех типах глагольного спряжения, где различаются (хотя и не всегда последовательно) формы для их лиц и двух чисел субъекта, и в посессивных формах имени для 3-го лица посессора (см. 2.3.4.). Кроме того, лицо субъекта влияет на выбор грамматической формы объекта в Тр и РС конструкциях (о закономерностях см. 2.3.4.).

Категория **референтности**, близкая к категории определенности, выражает в наличии двух форм у субъектно-объектных падежей — рематива, аккузатива, а в ндренном диалекте также, по-видимому, номинатива. Референтные формы (рем. *-k*, к. *-gele*, ном. тундр. $\emptyset$) указывают на предмет, остающийся предметом речи или единичный в данной ситуации, нереперентные формы (рем. *-lek*, акк. *-le*, ном. тундр. *-ŋ* у нов на гласный) такого указания не содержат. У имен собственных и существительных в посессивной форме нереперентные формы отсутствуют. Характерно употребление референтных форм у существительных с определением (*irkin šoromek ŋutŋel* 'один человек стоит') и существительных, оформленных некоторыми словообразовательными фиксами, например, диминутивным суффиксом *-dē* (*terikedēgele kudedeŋam* 'старушубили').

Категория **времени** наличествует у глаголов в индикативе, латентиве, интеррогиве, которые различают аорист (передающий значения настоящего или прошедшего времени в зависимости от контекста) и футурум. Значение настоящего времени при подчеркивании континуальности действия (в противоположность перфектности) может также передаваться формами узуального способа действия. Формы времени свойственны также деепричастиям.

Указания и пространственная **ориентация** выражаются с помощью целорядя местоимений и местоименных слов, образованных от основ *ti-*, *tu-* и некоторых других (распределение их по признаку близости/удаленности и, возможно, по каким-то другим параметрам дейксиса недостаточно ясно). Для выражения **анафоры** используются *tāŋ* 'этот, тот' (ближняя анафора), *tiŋetaŋ* 'тот' (дальняя анафора) и связанные с ними этимологически местоимения и местоименные слова.

Способы выражения **отрицания**:

- 1) препозитивная частица *el'* (*el'e*); при ее присоединении императив заменяется юхитивом: *el' amid'e ālek* 'не делай из себя хозяина' (ср. *āk* 'сделай'); иногда *el'* (*e*) дополняется заимствованной отрицательной частицей *ne* (*ne el'*, *ne el'e*);
- 2) отрицательный глагол *ōjl'e-* 'не быть, отсутствовать', используемый в качестве едиката отрицательного экзистенциального предложения: *polutki ōjl'e* 'ее мужа нет';
- 3) отрицательные местоимения и местоименные слова (см. 2.3.1.), которые в предложении сочетаются с глаголом *ōjl'e-* или с приглагольным отрицанием *el'* (система двойного отрицания);
- 4) одновременное оформление имен отрицательной частицей *el'* и послелогом *t'ōn ez'*: *el' t'ohoje t'ōn köber'* 'без ножа ушел';
- 5) препозитивная частица *moli*, сочетающаяся с глаголом в императиве и выражающая категорическое запрещение: *moli ewrejek* 'не ходи ни в коем случае'.

2.3.7. В Ю.я. с учетом изложенных в 2.3.1. соображений выделяются следующие части речи: существительное, глагол (вместе с его инфинитными формами: именами действия, причастиями, деепричастиями), числительное, местоимение (вместе с местоименными словами, обладающими морфолого-синтаксическими свойствами глаголов, числительных, наречий), наречие, послелог, частица, междометие.

2.4.0. Образцы парадигм.

Окончания существительного

(варианты, присоединяемые к основам на согласный или на отличный от *е* гласный)

Ном.		Непосессивная форма		Посессивная форма	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Рем.	реф.	-θ	-pe, -pul	-gi	-pegi
	нереф.	-k	-pek	—	—
		-lek	-pelek	—	—
Акк.	реф.	-gele	-pegele	-dejele	-pedejele
	нереф.	-le	-pele	—	—
Ген.		-n, -d	-pen, -ped	—	—
Инстр.		-le	-pele	-dele	-pedele
Комит.		-ne	-pene	-dene	-pedene
Датив-лятив		-gin, -n	-pegin	-din	-pedin
Лок.		-ge	-pege	-dege	-pedege
Аблат.		-get	-peget	-deget	-pedeget
Пролат.		-gen	-pegen	-degen	-pedegen
Транслат.		-pōt	-pepōt	-depōt	-pedepōt
Дест.		-pōn	-pepōn	-depōn	-pedepōn
Форма при послелогах		Ном., редко Ген.		-de	-pede

Окончания глагола

(приводятся варианты, присоединяемые к основам на отличный от *е* гласный; лакуны в имеющихся данных и сомнительные формы отмечены знаком вопроса)

Индикатив

	Аорист				Футурум			
	Итр	Тр	РС	РО	Итр	Тр	РС	РО
Ед. ч. 1 л.	-je	-θ	-l	-me	-teje	-t	-tel	-teme
2 л.	-jek	-mik	-l	-me	-tejek	-temik	-tel	-teme
3 л.	-j	-m	-l	-mele	-tej	-tem	-tel	-temele
Мн. ч. 1 л.	-jejl'i	-j	-l	-l	-tejl'i	-tej	-tel	-tel
2 л.	-jejmet	-met	-l	-mek	-tejemet	-temet	-tel	-temek
3 л.	-ji	-gam	-gil	-pimele	-pitej	-pitem	-pitel	-pitemele

Латентив

	Аорист				Футурум	
	Итр	Тр	РС	РО	Итр	Тр
Ед. ч. 1 л.	-l'eld'e	-l'el(?)	-l'elul	-l'elme	-l'elteje	-l'elte(?)
2 л.	-l'eld'ek	-l'elmik	-l'elul	-l'elme	-l'eltejek	-l'eltemik
3 л.	-l'el, -l'eli	-l'elum	-l'elul	-l'elmele	-l'eltej	-l'eltem
Мн. ч. 1 л.	-l'eld'ejl'i	-l'eluj(?)	-l'elul	-l'elul(?)	-l'eltejl'i	-l'eltejl(?)
2 л.	-l'eld'emet	-l'elmet	-l'elul	-l'elmek(?)	-l'eltejemet	-l'eltemet
3 л.	-l'elji	-l'elgam	-l'elgil	-l'elpimele	-l'elpitej	-l'elpitem

	Интеррогатив				Оптитив		Императив		Прохибитив
	Аорист		Футурум		Итр	Тр	Аорист	Футурум	
	Итр	Тр	Итр	Тр					
д. ч. 1 л.	- <i>m</i>	- <i>m</i>	- <i>tem</i>	- <i>tem</i>	- <i>lōl' d' e</i>	- <i>lōl'</i>	—	- <i>ge</i>	—
2 л.	- <i>jek</i>	- <i>mik</i>	- <i>tejek</i>	- <i>temik</i>	- <i>lōl' d' ek</i>	- <i>lōl' mik</i>	- <i>k</i>	- <i>gek</i>	- <i>lek</i>
3 л.	- <i>θ</i>	- <i>m</i>	- <i>t</i>	- <i>tem</i>	- <i>lōl' i</i>	- <i>lōl' im</i>	—	- <i>gen</i>	—
ин. ч. 1 л.	- <i>ōk</i>	- <i>ōk</i>	- <i>iōk</i>	- <i>iōk</i>	- <i>lōl' d' ejl' i</i>	- <i>lōl' i</i>	—	- <i>ge</i>	—
2 л.	- <i>jemet</i>	- <i>met</i>	- <i>tejemet</i>	- <i>temet</i>	- <i>lōl' d' emet</i>	- <i>lōl' met</i>	- <i>ŋik</i>	- <i>ŋigek</i>	- <i>ŋlek</i>
3 л.	- <i>ŋi</i>	- <i>ŋam</i>	- <i>ŋit</i>	- <i>ŋitem</i>	- <i>lōl' ŋi</i>	- <i>lōl' ŋam</i>	—	- <i>ŋigen</i>	—

Конъюнктив образуется от форм аориста индикатива добавлением препозитивной астицы *et* (1 л. ед. ч. *et -je* и т. д.); отрицательная частица *el'* ставится между *et* и основной глагола. Интенционалис образуется сочетанием датива-латива имени действия (*ljin, -din*) от смыслового глагола и форм аориста индикатива от экзистенциального глагола *l'e-*.

Имя действия: -*i*, 3 л. -*ŋil*. Выступает также в ряде форм именного склонения (посесивная форма -*lgi*; инстр. -*lle, -delle*; комит. -*lne*; датив-латив -*ljin, -din*; аблат. -*lget*; ролат. -*lgen*). Специальные формы имени действия, темпоральная (*met jōlge* 'когда я лотрел') и кондициональная (*met jōlgene* 'если я посмотрю'), изменяются по лицам: темпоральная: ед. ч. 1–2 л. -*lge*, 3 л. *dege*, мн. ч. 1–2 л. -*luke*, 3 л. -*ŋidege*; условная: 1. ч. 1–2 л. -*lgene*, 3 л. -*dejne*, мн. ч. 1–2 л. -*lukene*, 3 л. -*ŋidejne*).

Причастия: -*je* (общего атрибутивного значения); -*ō* и -*jōn/-sōn/-zōn* (перфектного и ретеритально-перфектного значения; служат для образования ряда глагольных форм, которые можно трактовать как перфект и плюсквамперфект); -*me* (ед. ч. 1–2 л.), -*mele* (д. ч. 3 л.), -*ŋimele* (мн. ч. 3 л.) (пассивное, образуется только от переходных глаголов, казывает на лицо логического субъекта действия).

Деепричастия: -*t* (одновременного действия), -*de* (предшествующего действия).

Формы числительных (предикативная форма представляет собой 3-е лицо ед. числа аориста индикатива количественных глаголов, собирательная форма — сепричастие этих глаголов):

Атрибутивные	Предикативные	Порядковые	Собирательные
1 <i>irkin</i>	<i>irkēj</i>	<i>agnume</i>	<i>irkēt</i>
2 <i>ataqun</i>	<i>ataqlōj</i>	<i>ataqlēšte</i>	<i>ataqlōt</i>
3 <i>jan</i>	<i>jalōj</i>	<i>jalmešte</i>	<i>jalōt</i>
4 <i>jelekun</i>	<i>jeleklōj</i>	<i>jeleklešte</i>	<i>jeleklōt</i>
5 <i>inhanbōd' e</i>	<i>inhanbōj</i>	<i>inhanbešte</i>	<i>inhanbōt</i>
6 <i>malhijan</i>	<i>malhijalōj</i>	<i>malhijalmešte</i>	<i>malhijalōt</i>
7 <i>purkin</i>	<i>purkijōj</i>	<i>purkiješte</i>	<i>purkijōt</i>
8 <i>malhijelekun</i>	<i>malhijeleklōj</i>	<i>malhijeleklešte</i>	<i>malhijeleklōt</i>
9 <i>kunirkil' d' ōd' e</i>	<i>kunirkil' d' ōj</i>	<i>kunirkil' d' ešte</i>	<i>kunirkil' d' ōt</i>
10 <i>kunijin</i>	<i>kunel' ōj</i>	<i>kunel' eški</i>	<i>kunel' it</i>

Неатрибутивные порядковые (*ataqlēški* 'второй') и повторительные (*ataqlēšōn* 'во второй раз') формы образуются от порядковых; распределительные формы (*ataqlōnut* по два) представляют собой деепричастия количественных глаголов в многократном способе действия.

Склонение личных местоимений

		'я'	'ты'	'он'	'мы'	'вы'	'они'
Ном.		<i>mət</i>	<i>tət</i>	<i>tudəl</i>	<i>mit</i>	<i>tit</i>	<i>tittəl</i>
Рем.		<i>mətək</i>	<i>tətək</i>	<i>tudəl</i>	<i>mitək</i>	<i>titək</i>	<i>tittəl</i>
Акк.	реф.	<i>mətkele</i>	<i>tətkele</i>	<i>tudegele</i>	<i>mitkele</i>	<i>titkele</i>	<i>tittegele</i>
	нереф.	<i>mətul</i>	<i>tətul</i>	<i>tudəl</i>	<i>mitul</i>	<i>titul</i>	<i>tittəl</i>
Ген.		<i>mət</i>	<i>tət</i>	<i>tude</i>	<i>mit</i>	<i>tit</i>	<i>tittə</i>
Датив-латив		<i>mətin</i>	<i>tətin</i>	<i>tudin</i>	<i>mitin</i>	<i>titin</i>	<i>tittin</i>
Лок.		<i>mətke</i>	<i>tətke</i>	<i>tudege</i>	<i>mitke</i>	<i>titke</i>	<i>tittege</i>
Аблат.		<i>mətkeṭ</i>	<i>tətkeṭ</i>	<i>tudegeṭ</i>	<i>mitkeṭ</i>	<i>titkeṭ</i>	<i>tittegeṭ</i>
Пролат.		<i>mətken</i>	<i>tətken</i>	<i>tudegen</i>	<i>mitken</i>	<i>titken</i>	<i>tittegen</i>

Личные местоимения употребляются также в формах: определительной (*mətəjl'e* или *mətəjl'ede* 'я сам'), усилительной (*mətəjk* 'я тоже'), ограничительной (*mətid'ē* 'я один'), неатрибутивной притяжательной (*mət'l'e* 'мой').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичная структура словоформы: (префиксы/препозитивные частицы) — корень — (деривационные аффиксы) — (реляционные аффиксы). Порядок следования аффиксов в имени: число — possessивность — падеж; в глаголе (наиболее обычный, без учета префиксальных форм): залог — способ действия — наклонение — время — лицо и число субъекта; в 3-м лице показатель мн.числа субъекта располагается перед показателем времени.

2.5.2. Для словообразования в Ю.я. характерна суффиксация. Регулярный или близкий к регулярному характер носит образование от существительных диминутивной, аугментативной, предназначительной форм (*muredē* 'сапожки', *muretege* 'сапожиши', *muremodū* 'то, что используется в качестве сапог' — от *mure* 'сапоги'), глаголов со значением обладания, приобретения и наделения (*mureñe-* 'иметь сапоги, быть в сапогах', *murede-* 'обзавестись сапогами', *murete-* 'снабдить сапогами'). Основные средства образования имен от глаголов — субстантивация причастий на *-je* (ср. тундр. *lawjeŋ* 'вода' от *law-* 'пить') и имен действия на *-l*, присоединение субстантивизирующих суффиксов *pon* ('нечто; природа') и *taŋ* ('этот, тот').

Распространено словосложение посредством: а) непосредственного соположения основ (*aŋd'eimid'e* 'темная шерсть под глазами у животного' < *aŋd'e* 'глаза' + *imid'e* 'черный, темный'); б) слияния генитивных конструкций (*jaqadaŋ'e* 'лошадь' < *jaqad* 'якуга' + *aŋ'e* 'олень'). В последнем случае о переходе в разряд сложных слов свидетельствует, в частности, возможность использования неререферентных форм субъектно-объектных падежей (что невозможно при генитивной конструкции), ср. *jaqadaŋ'eŋek ejreŋ* 'лошадь ходит', но *jaqad anid'ek kelul* 'якутский князь приехал'.

2.5.3. Ю.я. в целом относится к языкам номинативного типа, отдельные конструкции обнаруживают сходство с эргативными и нейтральными (см. 2.3.4.). Обычный порядок слов в предложении: «субъект — объект — предикат», «определение — определяемое». Обстоятельства времени и места тяготеют к началу предложения. Однако в целях актуализации используется инверсия, когда на первом месте оказываются сказуемое или прямое дополнение в ремативе. О способах оформления субъектно-объектных отношений, генитивных и других определительных конструкций, а также выражения логического ударения см. 2.3.1., 2.3.4., 2.3.5. В Ю.я. наблюдается сильная морфологизированность средств выражения синтаксических связей. Вопрос, восклицание и побуж-

ение выражаются морфологически (см. 2.3.5., 2.3.6.), лексически и интонационно, однако интонационные явления, а также способы выражения модальности и эмпазы с помощью частиц (ср. *omoi'e mahilek* '[вот] хорошее пальто' — *jök, omoi'e-de mahilek* 'смотри, [какое] хорошее пальто') изучены недостаточно.

2.5.4. Сложные предложения Ю.я. изучены недостаточно. Преобладает бессоюзный тип сложения, иногда с использованием анафорических местоименных форм, приближающихся по значению к союзам (*tajdēt* 'после этого', *tabunget* 'от этого'). Значения придаточных предложений передаются, как правило, конструкциями с участием нефинитных форм глагола.

2.6.0. Древнейшие пласты заимствованной лексики в Ю.я. не исследованы; судя по отдельным сопоставлениям, он мог контактировать с алтайскими (тунгусо-маньчжурскими, монгольским), енисейскими и, возможно, самодийскими языками (большинство же юкагирско-самодийских и юкагирско-финно-угорских лексических параллелей обусловлено исходным родством).

Среди относительно поздних лексических заимствований наиболее обширны пласты эвенского, якутского и русского происхождения. Из эвенского заимствована значительная часть терминов оленеводства (например, целая серия наименований оленей-самцов в возрасте до трех, четырех, пяти лет: тундр. *itenel, nörkenel, amarkenel*). Среди якутских заимствований тундренного диалекта представлена лексика, связанная с хозяйственным и социальным укладом, отдельные абстрактные понятия (тундр. *moŋgeŋ* 'невод', *erd'it* 'проводник', *sotal* 'уметь делать'). Весьма значителен слой русских заимствований XVIII–XIX вв., особенно характерных для колымского диалекта и выделяющихся своим фонетическим отличием от форм языка-источника (*d'erebe* 'жребий', *bobt'e* 'вовсе', *aiñeš* 'князь'). В последние десятилетия идет активное проникновение новых русских заимствований из сферы современного хозяйства и быта, культуры, общественных отношений. Специально не изучался вопрос о лексических заимствованиях из соседних якутско-камчатских языков; во всяком случае, в Ю.я. они вряд ли многочисленны.

2.7.0. Колымский диалект, на который ориентировано данное описание, распространен в южной части бассейна р. Колымы; на нем говорят около 40% юкагиров. Внутри диалекта отдельными особенностями выделяется коркодонский говор. К колымскому был, по-видимому, весьма близок северозападный диалект, на котором говорили юкагиры низовий р. Яны.

Тундренный диалект, которым пользуются около 60% юкагиров, распространен в бассейнах рек Алазеи и Колымы (верховья). О степени различий между ним и колымским диалектом, особенно в сфере лексики, см. 1.2.1. В области фонетики основные особенности тундренного диалекта в сравнении с колымским таковы: *s* на месте *š* (*sāl*, колым. *šāl* 'дерево'), наличие анлаутного *w* (*war-*, колым. *ad-* 'прочный'), в ряде случаев *r* на месте *d, ž, t* (*t'ugreŋ*, колым. *t'ugže* 'ум'; *arūŋ*, колым. *ažū* 'слово'; *awur*, колым. *abut* 'ящик'). Из структурных особенностей в сфере морфологии можно отметить: частое оформление финитных форм глагола префиксом *me(r)-*, особую парадигму РС типа у переходных глаголов (без элемента *l*), различие по лицам у префиксов рефлексивного залога (ед. ч. 1 л. *me-meŋ-*, 2 л. *me-teŋ-*, 3 л. *me-tur-*), наличие нереперентной формы у номинатива (см. 2.3.6.), иной способ образования неопределенных местоимений (*mekin* 'кто-то'). Ряд других морфологических отличий касается деталей фонетического оформления аффиксов, ср. в именной парадигме инстр. *-lek*, комит. *-ñeŋ*, датив-латив *-ñii* или *-ñ*, лок. *-he*, аблат. *-het*, пролат. *-heŋ* (ср. 2.4.0.). Принципиальных отличий в сфере синтаксиса, видимо, нет.

Ныне исчезнувшие чуванский (между р. Анадырь и р. Колымой) и омокский диалекты (или языки) известны только по фрагментарным и во многом дефектным записям более чем полуторавековой давности. Обработка этих данных, осуществленная О. Тайёром, позволяет констатировать, что объем и характер отличий этих двух диалектов от двух современных диалектов Ю.я. приблизительно таковы, как между колымским и тундренным диалектами, причем и чуванский, и — в несколько меньшей мере — омокский более близки к колымскому диалекту, нежели к тундренному.

ЛИТЕРАТУРА

- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900, ч. I.
- Иохельсон В. И.* Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934, ч. III, с. 149–180.
- Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
- Курилов Г. Н.* Правила орфографии юкагирского языка. Якутск, 1987.
- Курилов Г. Н.* Сложные имена существительные в юкагирском языке. Л., 1977.
- Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1991.
- Маслова Е. С.* Соотношение коммуникативной и синтаксической структур в простом предложении юкагирского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Angere J.* Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft, Stockholm. 1956.
- Angere J.* Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm; Wiesbaden, 1957.
- Collinder B.* Jukagirisch und Uralisch. Uppsala, 1940 (Uppsala Universitets Årsskrift; 1940:8).
- Collinder B.* Hat der Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. Uppsala, 1965.
- Jochelson V.* The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden, 1924, vol. XIII, p. 135–342.
- Maslova E. S.* Yukagir focus in a typological perspective // Journal of Pragmatics, 1996, No 2.
- Schiefner A.* Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache // Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, 1871, t. XVI, No 4, p. 373–399.
- Tailleur O. G.* Le dialecte tchouvane du youkaghir // Ural-Altäische Jahrbücher, 1962, Bd. 34, Nr. 1/2, S. 55–99.
- Tailleur O. G.* La flexion verbale personnelle en Youkaghir // Etudes Finno-Ougriennes, 1965, t. II, p. 67–88.
- Tailleur O. G.* Les uniques données sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire // Orbis, 1959, t. 8, No 1, p. 78–108.
- Vakhtin N.* The Yukagir language in sociolinguistic perspective. Warszawa, 1991.
- Veenker W.* Tundrajukagirisches Wörterverzeichnis. Hamburg, 1989 (Opuscula Sibirica; 1).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ

МИРА

Палеоазиатские языки

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

Главная редакционная коллегия:

В. Н. Ярцева (председатель), *В. М. Солнцев*, *Н. И. Толстой*

Редакционная коллегия тома:

А. П. Володин (отв. редактор), *Н. Б. Вахтин*, *А. А. Кибрик*

Редакторы:

Т. Ю. Жданова, *Н. В. Рогова*, *О. И. Романова*

Настоящее издание осуществлено при поддержке Российского Гуманитарного
Научного Фонда (проекты 94-06-19711 и 96-04-16189)

Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: издательство «Индрик», 1996. — 231 с.

Настоящая книга — очередной том многотомного энциклопедического издания «Языки мира» (серия «Языки Евразии»), подготавливаемого в Институте языкознания РАН. Данный том описывает все языки, которые принято относить к палеоазиатским. Современные палеоазиаты — предположительно потомки древнейшего населения Азии. Крупнейшие языковые семьи, которые включаются в состав палеоазиатских, — енисейская, чукотско-камчатская и эскимосско-алеутская. Все статьи тома написаны в соответствии с типологически ориентированной схемой, используемой во всех выпусках данного издания. Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхроническую структурную характеристику описываемого языка. Статьи написаны ведущими палеоазиатоведами. Книга одновременно представляет собой и фундаментальный труд, и справочное издание. Она адресована специалистам по палеоазиатским языкам, а также широкому кругу читателей, включая лингвистов разных специальностей, историков, социологов, этнографов, юристов, журналистов, учителей и всех интересующихся языками Севера России.

Languages of the World. Paleoasiatic languages.

This book is the fourth volume of the multivolume encyclopedia "Languages of the World" (the Eurasia series), being prepared in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The present volume describes all languages commonly attributed to Paleoasiatic. Modern speakers of Paleoasiatic languages are supposed to be descendants of the ancient population of Asia. The largest linguistic families included into Paleoasiatic are Yeniseian, Chukchi-Kamchatkan, and Eskimo-Aleut. All articles in the volume are written in accordance with a standard typologically-oriented template, used in all volumes of the encyclopedia. This template imposes sociolinguistic, diachronic, and synchronic structural characterizations upon individual languages. The articles are written by the leading Paleoasiatic scholars. The book is intended both as a fundamental study and as a reference source. It is addressed to specialists in Paleoasiatic languages, as well as to a broad audience, including linguists of various specializations, historians, sociologists, ethnographers, lawyers, journalists, school teachers, and everyone interested in the languages of Russia, as well as Northern Eurasia in general.

ИР

ISBN 5-85759-046-9

© Институт языкознания РАН, 1996
© Российская академия наук, 1997